

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 398.91

Концепт «дом» в языковой картине мира монголыязычных народов

Сэсэгма Дмитриевна Гымпилова¹, Баир Цыремпилович Гомбоев²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник
 0000-0002-4251-3379. E-mail: gymps70@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, научный сотрудник
 0000-0003-3484-5311. E-mail: barguten@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Гымпилова С. Д., Гомбоев Б. Ц., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию одного из базовых концептов национальной картины мира — концепта *дом*. *Цель* исследования заключается в определении и выявлении семантических особенностей данного концепта на материале фольклорных текстов монгольских народов, в частности паремий бурят, калмыков, монголов. *Методы* исследования. При анализе фольклорных текстов использованы структурно-семантический, структурно-типологический методы, позволившие рассмотреть разные семантические аспекты концепта *дом*. *Результаты.* Изучение пословичного фонда бурят показало, что паремии, характеризующие данный концепт, могут быть условно разделены на две группы. В первую группу включены фольклорные тексты, которые характеризуют непосредственно общее значение слова «дом», во вторую — пословицы с дополнительным значением, который проявляется при помощи концепта *дом* в зависимости от различных жизненных ситуаций. В ходе исследования выявлено, что образ *дома* сквозь призму пословиц не только значительно расширяет свое смысловое содержание, но и характеризует особенности национальной картины мира монгольских народов, их ментальность. Анализ семантических особенностей паремий монгольских народов с компонентом *гэр / дом* показал, что данный концепт включает в себя достаточное количество понятий, от собственного значения как дом-жилище, домашний очаг и до метафорического переноса значения как семья, малая родина. Изучение бурятских, калмыцких и монгольских пословиц позволило не только выявить универсальность бинарной схемы «свой / чужой» в контексте культурного пространства, но и попытаться охарактеризовать традиционное мировоззрение кочевых народов через призму их хозяйственной и социокультурной деятельности.

Ключевые слова: монгольские народы, буряты, калмыки, монголы, фольклорная картина мира, концепт *гэр / дом*, семантика, пословицы

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации: 121031000259-6).

Для цитирования: Гымпилова С. Д., Гомбоев Б. Ц. Концепт «дом» в фольклорной картине мира монголоязычных народов // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 788–799. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-788-799

The Concept *Ger* ‘Home’ in Linguistic Worldviews of Mongols

*Sesegma D. Gympilova*¹, *Bair Ts. Gomboev*²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-4251-3379. E-mail: gymps70@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0003-3484-5311. E-mail: barguten@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Gympilova S. D., Gomboev B. Ts., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines a basic concept of any linguistic worldview — that of home (Mong. *ger*). *Goals.* The study aims at identifying and revealing semantic features of the concept in folklore texts of Mongolic peoples — Buryat, Kalmyk, and Mongolian paroemias. *Methods.* Folklore texts are analyzed with the aid of the structural / semantic and structural / typological methods that make it possible to consider different semantic aspects of the concept *ger* ‘home’. The analysis of Buryat proverbs shows the paroemias characterizing the concept can be divided into two groups: group one to include folklore texts that directly characterize somewhat general meaning of the word *ger* ‘home’, while group two is compiled from proverbs with an additional meaning manifested through the use of the concept ‘home’ depending on various life situations. *Results.* The work reveals the image of home — through the prism of proverbs — not only essentially expands its semantic content, but also characterizes specificities of ethnic worldviews inherent to Mongolic peoples, their mentality patterns. Our semantic analysis of Mongolic paroemias with the component *ger* ‘home’ shows the concept comprises quite a number of semes — from ‘house’, ‘dwelling’, and ‘hearth’ to ‘family’ and even ‘homeland’ (metaphorical meanings). The investigation of Buryat, Kalmyk, and Mongolian proverbs proves instrumental not only in revealing a universal nature of the binary scheme ‘us–them’ in cultural contexts, but also in an attempted characterization of the traditional nomadic worldview through the prism of specific economic and sociocultural activities. **Keywords:** Mongolic peoples, Buryats, Kalmyks, Mongols, folklore worldview, concept *ger* ‘home’, semantics, proverbs

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 ‘Peoples of the Baikal Region: Exploring Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts’.

For citation: Gympilova S. D., Gomboev B. Ts. The Concept *Ger* ‘Home’ in Linguistic Worldviews of Mongols. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(4): 788–799. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-788-799

Введение

В традиционном мировоззрении монгольских народов кочевое жилище (юрта) представляло собой модель культурного освоенного пространства и являлось одной из высших ценностей. Юрта, являясь традиционным типом жилища монгольских народов, всегда отражала определенные представления о мироздании Вселенной, принципах его ориентации. Если рассматривать объекты данного пространства, то одним из главных и священных мест в юрте является очаг. Жилое «освоенное» пространство простиралось при этом вокруг очага с четким делением на центральную и периферийную часть, т. е. от центра к периферии, с делением на мужскую и женскую стороны.

Национальная самобытность, особенности мышления всегда находили свое отражение в языке любого народа сквозь призму конструирования фольклорной картины мира. Поэтому смысловое поле любого языка включает в себя такие ключевые универсальные концепты, как Дом, Семья, Родина, Любовь, Жизнь, Судьба и др., которые характеризуют его ментальную специфику и являются значимыми для модификации общей картины мира. Тем не менее, несмотря на свою универсальность, эти концепты в каждом языке могут обретать свою национально-культурную окраску и быть маркерами этнокультурной идентичности.

Понятие «дом» представляет собой одно из важнейших составляющих национальной культуры любого народа, и потому считается одним из ключевых и в этнической картине мира монгольских народов. Данное понятие достаточно широко характеризует оппозицию «свой-чужой», а также представления человека о доме как модели Космоса, Вселенной, согласно которой было определено все внутреннее его освоенное пространство.

Дом как жилище у кочевых народов являлся пространством, «хранилищем» семейных, культурных обычаев и традиций, при этом жилище выполняло еще и защитную функцию, включающую и задачу уберечь жизнь человека от «иногo» мира. Человек тесно взаимосвязан с домом, поскольку в нем протекала вся его жизнь и происходили практически все ключевые обряды его жизненного пути: рождение, свадьба, смерть и т. д.

Дом, в котором есть родной очаг, был всегда. Дом также является символом модели Вселенной, согласно с которой было определено все внутреннее его освоенное пространство. Поскольку «дом — это мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим, человек создает для себя мир / дом по образу внешнего мира, но приспособляя его к своим размерам» [Цивьян 1978: 73].

Народные представления кочевых народов о юрте-доме имели национальную специфику, которая была обусловлена природными, климатическими условиями, определенным укладом кочевой жизни, традициями, обычаями.

Дом как жилище, строение рассматривался в этнографических и лингвокультурологических исследованиях [Цивьян 1978; Байбурин 1983; Верещагин, Костомаров 2000; Воркачев 2001; и др.]. Так, А. К. Байбурин отмечал, что «жилище — один из ключевых символов культуры» [Байбурин 1983: 9]. Жилище считалось своим «освоенным» пространством, оно было выделено из природы. По внутреннему содержанию жилища, по тому, что создали проживающие в нем люди, как они его наполнили — можно было понять духовное пространство дома.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, исследуя *дом* как пространство, пишут, что «дом (home) — разновидность пространства, причем он ассоциируется сугубо со „своим“ пространством, как-то отгороженным от внешнего мира. Он является связующим звеном в общей картине мира: с одной стороны, дом принадлежит человеку, с другой — связывает человека с внешним миром» [Верещагин, Костомаров 2000: 65].

Юрта — жилище монгольских народов — исследована в разных аспектах: как тип кочевого жилища [Вайнштейн 1976; Жуковская 1988; Содномпилова 2005], как модель вселенной [Wasilewski 1976]. Кочевые народы «свое жильё могли рассматривать как некий центр, вокруг которого находятся все более расширяющиеся круги освоенного пространства: 1) жилище, 2) пространство, примыкающее к юрте, 3) территория за пределами коновязи, используемая родом для хозяйственной деятельности» [Жуковская 1988: 25]. В монголоведении кочевое жилище исследовалось в аспекте стереотипов и их воспроизводства в современной культуре [Бакаева 2003; Бакаева, Сангаджиев 2005; Шараева 2020], анализировались лингвокультурологические аспекты понятийного аппарата, связанного с жилищем [Есенова 2012; Бардамова 2021]. Э. П. Бакаева отмечает, что «жилище является важным компонентом культуры, стоящим в одном ряду с одеждой и пищей. Прежде всего, как место обитания человека, оно является одним из маркеров пространства, освоенного человеком, представителем конкретного этноса» [Бакаева 2003: 225]. Обращается внимание на то, что у кочевых скотоводов существовали два типа жилища: «Первое — „жолм“ (джолум), небольшая кибитка. Второе — „деглэ“ — кибитка без верхнего круга и дымника» [Бакаева 2003: 223]. Эти типы жилищ — «жолм» и «деглэ» — как имеющие несовершенные конструкции и лишенные семантики модели мироздания, согласно мировоззрению калмыков, не могли быть этническими символами. «... анализ семантики жилища монгольских народов — юрты подтверждает вывод <...> о том, что сложение кочевого хозяйства происходило одновременно со сложением этнических стереотипов, которые характерны для всех компонентов материальной культуры» [Бакаева 2003: 230]. Т. С. Есеновой приходит к выводу о том, что «кочевой образ жизни калмыков в первую очередь ассоциируется с *гер* ‘юртой’, традиционным жилищем кочевников. Концепт „гер / юрта“ отражает представления калмыков об устройстве мира, определяет правила поведения в калмыцком жилище, формирует специфику гостеприимства» [Есенова 2012: 8]. Т. И. Шараева в своем исследовании также отмечает, что «номадический образ жизни способствовал тому, что в представлениях кочевников их переносное жилище являлось уменьшенной копией модели мира, а все предметы в жилище были полисемантическими символами, что позволяло использовать их одновременно в двух сферах: сакральной и обыденно-практической. У калмыков при установлении традиционного кочевого жилища маркировались его внешние и внутренние границы посредством установления специальных шестов, вокруг которых поэтапно расширялось и упорядочивалось будущее жилое пространство» [Шараева 2020: 52]. Е. А. Бардамова, описывая категорию пространства, отмечает, что «в картине мира пространство членится на ряд составляющих его элементов: в нем выделяются сакральное и бытовое, освоенное и неосвоенное, доступное

и недоступное, свое и чужое, мужское и женское, враждебное и доброжелательное для человека. Анализ фактического материала показывает, что пространство, объективированное обыденным языковым сознанием, может быть условно поделено на жилищное пространство, динамическое пространство и пространство рода» [Бардамова 2021: 12].

Исследования традиционного жилища проводились и монгольскими исследователями — Д. Майдаром [Майдар 1981], Л. Батчулууном [Батчулуун 1999], Х. Сампилдэндэвом [Сампилдэндэв 1985] и др.

Работ, посвященных образу жилища в картине мира, выявляемой на материалах фольклора, исследований функций жилища как фольклорного символа, к сожалению, немного. Наибольший интерес в плане изучения жилища в фольклорных произведениях представляет исследование Д. А. Бурчиной «Эволюция жилища и ее отражение в бурятском героическом эпосе» [Бурчина 1993], в котором автор акцентирует внимание на проблеме происхождения разных типов жилища — бытовавших ранее, а также используемых в настоящее время у бурят. В статье приводятся различные археологические, этнографические фольклорные сведения. Д. А. Бурчина при проведении анализа типологии жилищ, упоминаемых в бурятских эпических текстах, заключает, что «в бурятском героическом эпосе нашли отражение практически все формы жилищ, действующих в хозяйственном комплексе, а также сама динамика возникновения жилищ» [Бурчина 1993: 158].

На наш взгляд, еще недостаточно выявлена связь жилища с социальной структурой монгольского общества. В этом плане права М. М. Содномпилова, говоря о том, что не решены вопросы по проблеме освоения пространства в традиционном мировоззрении бурятского этноса, также недостаточно изучены принципы организации культурного пространства в жилище [Содномпилова 2005: 7–9].

В монгольских языках понятие «дом» выражено одной лексической единицей: бур. *гэр* [БРС 2010: 240], монг. *гэр* [БАМРС, I 2001: 481], калм. *гер* [КРС 1977: 138]. У кочевых народов было несколько видов жилища, однако наиболее популярным до относительно недавнего времени являлась войлочная юрта. Словосочетания бур. *һэеы гэр* [БРС 2010: 240], калм. *ишкэ гер* [КРС 1977: 138], монг. *эсгий гэр* [БАМРС, I 2001: 481] обозначают именно ‘войлочный дом (юрта)’. «Разновидность дома может уточняться путем присоединения к нему слова, называющего материал, из которого построен дом, например, халх.-монг. *эсгий гэр*, бур. *һэеы гэр*, зап.-бур. *эһэгэй гэр*, калм. *ишкэ гер*, стп.-монг. *isegei ger* ‘войлочная юрта, юрта скотовода-кочевника’, х.-монг. *модон гэр*, бур. *модон гэр*, калм. *модн гер*, стп.-монг. *modun ger* ‘деревянная изба, бревенчатый дом’, х.-монг. *чулуун гэр*, бур. *шулуун гэр*, калм. *чолун гер*, стп.-монг. *çilaγun ger* ‘каменный дом’» [Рассадин Трофимова, Чулуунбаатар 2017: 135]. Слова бур. *гэр*, монг. *гэр*, калм. *гер*, кроме описания дома-юрты, имеют еще значения: дом, домашний очаг, семья, двор, хозяйство.

Цель настоящей статьи — определить и выявить семантические особенности концепта *дом* на материале фольклорных текстов монгольских народов, в частности паремий бурят, калмыков, монголов.

Образ дома в пословичном фонде бурят, калмыков, монголов

Жилище как модель пространства кочевых народов всегда считалось своим пространством, т. е. это «... освоенное пространство — всегда систематизированное пространство, подвергшееся некоторой ценностной акцентировке <...> содержание, приписываемое освоенному пространству, и в частности дому, адекватно описывается с помощью таких категорий, как свое, близкое; принадлежащее человеку; связанное с понятием доли, судьбы; главное (сакральное); связанное с огнем очага и т. п.» [Байбурин 1983: 19].

Концепт *гэр / дом* нашел свое отражение и в устной традиции монгольских народов, в частности паремиях.

Компонент гэр / дом в оппозиции свой – чужой

Известно, что бинарная позиция *свой – чужой* является наиболее универсальной и часто представлена в традиционной культуре разных народов. В доме, как жилище, было *свое* пространство, вне дома — *чужое*. Анализ пословиц с компонентом *гэр / дом* показал, что в них слово *дом* имеет следующие значения:

1) характеристика отчего дома, родного очага как лучшего, чем чужого:

Монгольская пословица:

*Хүний гэрт тос уусанд орвол,
Өөрийн гэрт ус уусан дээр.*

‘Чем в чужом доме есть масло,
лучше в своем пить воду’¹.

[Монгол цэцэн үгийн далай 1966: 98].

С аналогичным значением встречается пословица и у калмыков:

*Кууна гертэс тос уусн дорхнь,
Эврэ гертэс ус ууснь дээр.*

‘Чем в чужом доме есть масло,
Лучше в своем пить воду’.

[Пословицы ...2018: 103].

Бурятская пословица:

Гэр дээрэ гэдэнэ садхалан.

‘Дома и желудок сыт’.

[Мадасон 1960: 12].

2) характеристика своего и чужого дома в зависимости от нахождения в нем человека:

*Айлда — намар,
Гэртээ — хабар.*

‘В чужом доме — осень,
У себя в доме — весна’.

[Пословицы ...2018: 248].

Калмыцкая пословица:

*Ээлд одхдан — намр,
Гертэн ирхднь — хавр.*

‘Идешь в гости — чувствуешь себя как осень,
Вернешься домой — чувствуешь себя как весной’.

[Пословицы ...2018: 161].

Дом — Родина, родная страна

Среди других значений четко выделяется более широкое значение «Родина, родная страна», которое всегда соотносилось с домом. Примечательно, что в таких паремиях часто указывается конкретное наименование дома — войлочная юрта. В современном бытовании бурятских и монгольских пословиц,

¹ В статье переводы пословиц выполнены С. Д. Гымпиловой.

в которых указана та или иная разновидность дома, практически не встречается войлочная юрта. В основном в пословицах встречается общеупотребительное слово *гэр*:

*Тооногуй нэеы гэр байдаггүй,
Тоонтогуй хүн байдаггүй.*

‘Не бывает войлочной юрты без верхней части,
Нет человека без Родины’
[Дамбаев 2012: 66].

*Түрэхэн дайда —
Түрэл эхэ,
Хүнэй дайда —
Хойто эхэ.*

‘Родная земля —
Мать родная.
Чужая земля —
Мачеха’
[Мадасон 1960: 13].

Паремии монгольских народов призывают человека жить там, где родился, любить и защищать родную землю. В изречениях такого рода четко прослеживаются обозначения, которые характеризуют определенное отношение человека к Родине и чужбине.

Лучше родной земли нет ничего:

*Өөрын дайда дулаан,
Харшин дайда хүйтэн.
Өөрын газарай үбэлыньше ногоон.*

‘Родная земля — тепла,
Чужая — холодна.
На родной земле и зима зелена’
[Онъһон үгэ оностой 1970: 13].

Монгольская пословица:

*Өөрийн газар үтэр,
Хүний газарт осор.*

‘Своя земля торопит,
Чужая — удерживает’
[Монгол цэцэн үгийн далай 1966: 57].

У калмыков же встречается паремия о Родине в более развернутом виде:

*Гертээн уңгиннь нер дуудул,
Харин назрт төрскнэнь нер дуудул.*

‘Дома чти и славь своих предков,
В чужом краю прославляй честь
своей Родины’
[Пословицы ...2018: 162].

Можно сказать, что пословицы с компонентом *дом / гэр* показывают, что данный концепт является «...универсальной схемой, ярко характеризующей взаимоотношения ключевых концептов духовного универсума монгольских народов — образа „своего мира“, родной земли и противопоставленного ему образа неизведанного пространства» [Санжеева 2011: 157].

Группы изречений о доме, в которых концепт дом использован в прямом или переносном смысле

В паремиологическом фонде монгольских народов, характеризующем концепт *дом / гэр*, можно условно выделить две группы изречений, при этом в них не конкретизируется, идет ли речь о кочевом или стационарном доме. Пословицы, которые можно отнести к **первой группе**, в большинстве своем

характеризуют дом как жилище, свое пространство, взаимоотношения членов семьи дома, также описываются в них черты человека в доме и вне дома.

Дом для человека — важная составляющая, защита от чужого, поэтому дома человек всегда в безопасности:

Бурятские пословицы:

*Өөрыншини гэрэй хананууд
Убшэнгыеш эмшэлэн аргалдаг,*

Гэр дээрээ байһан нохойн һүүл дээрээ.

‘В своем доме и стены
От болезни вылечат’
[Дамбаев 2012: 56].

‘Дома и у собаки хвост выше поднят’
[Мадасон 1960: 62].

Калмыцкая пословица:

*Гер бээхлэ — оддг,
Гегэн бээхлэ — мөргдг.*

‘Есть дом — то заходят,
Есть божество / перерожденец — молятся’
[Пословицы... 2018: 162].

Монгольская пословица:

*Гэр дулаан,
Гэдэс цатгалан.*

‘Дом теплый,
Желудок сытый’
[Монгол цэцэн үгийн далай 1964:25].

Кроме этого, в паремиях монгольских народов находит отражение тема значимости, ценности дома для человека. В них характеризуются особенности «взаимоотношений» хозяина и дома: каким может быть человек без дома, и, соответственно, как выглядит дом без хозяина:

Бурятские пословицы:

*Гэр, малгүй хүн,
Нохойһоо доро.*

*Эзэгүй гэр,
Эрэгүй эхэнэр.*

‘Человек без дома, скота,
Хуже собаки в доме’
[Мадасон 1960: 47].

‘Дом без хозяина,
[Как] женщина без мужа’
[Пословицы... 2018: 265].

Калмыцкая пословица:

*Гер мал уга күн
Гендн нохад орхнэ дор.
Гер уга күүнэ геснэ өлн гидг.*

‘Человек, не имеющий ни юрты, ни скота,
Хуже бродячего пса.
Бездомный вечно голоден’
[Пословицы... 2018: 162].

Монгольская пословица:

*Гэртэй хүн хэвтдэг,
Гэргүй хүн түнэдэг.*

‘Имеющий дом полеживаает,
Не имеющий — бродит’
[Монгол цэцэн үгийн далай 1966: 24].

Отметим, что в афористических выражениях монгольских народов также отражены особенности поведения человека, находящегося в родном доме и вне

дома. Зачастую в афористических выражениях такого типа больше характеризуются отрицательные качества характера человека:

Монгольская пословица:

*Гэртээ гэдгэр,
Гаднаа ганагар.*

‘В доме — упрямый,
Снаружи дома — важный’
[Монгол цэцэн үгийн далай 1966: 24].

Вторую группу образуют в большинстве пословицы, основное значение которых метафорически переносится на образ дома. Пословицы такого рода могут употребляться в прямом значении, но также могут быть осмыслены метафорически и соотноситься с различными жизненными ситуациями, не связанными с домом. Например, в бурятской паремии данное значение принимают в основном слова «дом / гэр», «үүдэ *хайтай гэр*» — ‘дом с надежной дверью’:

*Үүлэгүй тэнгэригээ хура орохогүй,
Үүдэ хайтай гэрхээ хоб гарахагүй.*

‘На безоблачном небе дождя не будет,
Из дома с надежной дверью сплетен не будет’
[Мадасон 1960: 236].

В пословицах также даются рекомендации, каким дом должен быть (например, надежным, т. е. не выносить сор из избы): *Толгой хахараашье хаа, малгай соогоо, тохоног хухараашье хаа, хамсы соогоо* (бур.) [Пословицы... 2018: 333] — *Тоха келтрм — ханцундан, толһа келтрм — махладан* (калм.) [Котвич 1972: 84], ‘Локоть хоть и треснул, но в рукаве; голова разбита, но в шапке’. Хотя в этих примерах не упоминается слово *дом / гэр*, но смысл их напрямую с ним связан.

Отметим, что в пословицах сквозь призму концепта *дом* может передаваться оценка как положительных, так и отрицательных характеристик человека. В большинстве своем в текстах пословиц представлены качественные характеристики женщин, мужчин, которые можно рассмотреть посредством бинарной оппозиции *хороший / плохой*. Такого рода паремии используются в качестве совета, назидания. Например, бурятские пословицы:

*Гайн хамган гэрэй шэмэг,
Муу гэргэн гэрэй дарамта.*

‘Хорошая жена — украшение дома,
Плохая — обуза дома’
[Онһон угэ оностой 1970: 141].

*Эрын хайн турын шэмэг,
Эхэнэрэйн хайн гэрэй шэмэг.*

‘Хороший муж — украшение свадьбы,
‘Хорошая жена — украшение дома’
[Онһон угэ оностой 1970: 104].

Калмыцкая пословица:

*Күүкд күүнэ сээг гертнь одад мед,
Залу күүнэ сээг мөрн деер мед.*

‘Хорошую девушку, зайдя в дом, узнаешь,
Хорошего парня на коне узнаешь’
[Пословицы ...2018: 67].

Также встречается бурятская пословица, в которой отрицательная черта человека дается в сравнении со старой войлочной юртой:

*Хуушан нэеы гэр дулаа баридаггүй,
Худалша хүн үргөө баридаггүй.*

‘Старая войлочная юрта тепло не держит,
Врун рот не может удержать’
[Дамбаев 2012:132].

Исследование паремий монгольских народов с компонентом *дом* показывает, что в большинстве из них отражается отношение человека к дому, его поведение в доме и вне дома, противопоставляется своя и чужая жизнь. Также в сравнительном аспекте в пословицах образ дома соотносится с оппозицией хорошее / плохое.

Заключение

Анализ семантических особенностей концепта *дом* в паремиях бурят, калмыков, монголов, которые характеризуют особый, жизненный взгляд человека на мир, позволяет выявить универсальность схемы *свой / чужой* в контексте пространства. Наряду с этим, исследование показало, что образ дома представляет одну из важных сторон фольклорной модели мира. В данном случае концепт *дом / гэр* представляет собой некий микрокосм, который практически охватывает все аспекты жизни людей, особенности их взаимоотношений.

Исследование семантики паремий монгольских народов с компонентом *дом* показало, что данный концепт не только значительно расширяет свое смысловое содержание, но и характеризует их «ментальную» специфику. Анализ особенностей современного бытования фольклорной традиции монгольских народов, в которой отражается практически весь уклад их хозяйственной и социокультурной деятельности, позволил в определенной мере также представить «традиционное» мировоззрение кочевых народов.

Литература

- Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, ЛО, 1983. 191 с.
- Бакаева 2003 — *Бакаева Э. П.* Этнические стереотипы и проблема семантики кочевого жилища Монголоведение. Элиста: КИГИ РАН, 2003. № 2. С. 220–232.
- Бакаева, Сангаджиев 2005 — *Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков Элиста: АПП «Джангар», 2005. 196 с.
- Бардамова 2021 — *Бардамова Е. А.* Репрезентация пространственных представлений в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2021. 176 с.
- БАМРС 2001, I — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х тт. Т. 1. А–Г / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Батчулуун 1999 — *Батчулуун Лунтэнгийн.* Монгол эсгий ширмэлийн урлаг. Улаанбаатар хот, 1999. 499 х.
- БРС 2010 — Бурятско-русский словарь / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. В 2 тт. Т. 1. А–Н. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 236 с.
- Бурчина 1993 — *Бурчина Д. А.* Эволюция жилища и ее отражение в бурятском героическом эпосе // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 90–112.
- Вайнштейн 1976 — *Вайнштейн С. И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. 1976. № 4. С. 42–62.
- Верещагин, Костомаров 2000 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Дом бытия языка. В поисках путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. М.: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, ИКАР, 2000. 124 с.
- Воркачев 2001 — *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
- Гымпилова 2005 — *Гымпилова С. Д.* Пословицы в системе жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 144 с.

- Дамбаев 2012 — *Дамбаев Г.-Д.* Тодо хургаалнууд. Улаан-Үдэ: Бэлиг, 2012. 172 с.
- Есенова 2012 — *Есенова Т. С.* Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста: КалмГУ, 2012. 160 с.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: ГРВЛ, 1988. 200 с.
- Котвич 1972 — *Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 96 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 765 с.
- Мадасон 1960 — *Мадасон И. Н.* Бурядад арадай оньһон, хошоо угэнууд. Улаан-Үдэ: Бурядад номой хэблэл, 1960. 401 с.
- Майдар 1981 — *Майдар Д.* Памятники истории и культуры Монголии. М.: Мысль, 1981. 174 с.
- Монгол цэцэн угийн далай 1964 — Монгол цэцэн угийн далай. Боть I. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1964. 133 х.
- Монгол цэцэн угийн далай 1966 — Монгол цэцэн угийн далай. Боть II. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1966. 140 х.
- Онһон угэ оностой 1970 — Онһон угэ оностой. Улаан-Үдэ: Бурядад номой хэблэл, 1970. 362 с.
- Пословицы... 2018 — Пословицы и поговорки на калмыцком, бурятском, монгольском языках. Памятники фольклора монгольских народов. Т. VIII. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 628 с.
- Рассадин, Трофимова, Чулуунбаатар 2017 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М., Лувсанжавын Ч.* Общемонгольская лексика по разделу традиционное жилище в халхаском, бурятском и калмыцком языках // *Oriental Studies*. 2017. Т. 10. № 4. С. 134–140. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-32-4-134-140
- Санжеева 2011 — *Санжеева Л. Ц.* Бурятский эпос: проблемы поэтики и стиля. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2011. 240 с.
- Сампилдэндэв 1985 — *Сампилдэндэв Х.* Малчин ардын зан уйлийн уламжлал. Улаанбаатар: Улсын хэвлээлийн газар, 1985. 187 х.
- Содномпилова 2005 — *Содномпилова М. М.* Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск: Радиан, 2005. 218 с.
- Цивьян 1978 — *Цивьян Т. В.* Дом в фольклорной модели мира // Труды по знаковым системам. 1978. № 10. С. 65–85.
- Шараева 2020 — *Шараева Т. И.* Сакральный код в пространстве традиционного жилища у калмыков // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 1. С. 41–54. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-41-54
- Wasilewski 1976 — *Wasilewski J.* Space in nomadic Cultures — a spatial analysis of Mongol yurt // *Altaica Collekta*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1976. Pp. 345–360.

References

- Baiburin A. K. Dwelling in Rites and Beliefs of East Slavs. Leningrad: Nauka, 1983. 191 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Nomadic dwelling: Ethnic stereotypes and the semantics issue approached. *Mongolian Studies (Elista)*. 2003. Vol. 2. No. 1. Pp. 220–232. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Sangadzhiev Yu. I. The Culture of Dwelling: Ethnic Traditions and Contemporary Priorities of Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Bardamova E. A. Spatial Representations in Buryat. Ulan-Ude: Buryat State University, 2021. 176 p. (In Russ.)
- Batchuluun L. Mongolian Felt Decorative Arts. Ulaanbaatar, 1999. 499 p. (In Mong.)
- Burchina D. A. The evolution of dwellings and its repercussions in Buryat heroic epic. In: Zoriktuev B. R. (ed.) *Economy and Material Culture of Turko-Mongols: Glimpses of History*. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 90–112. (In Russ.)

- Civian T. V. The concept of ‘home’ in the folklore world model (As reflected in the riddles of the Balkan peoples). *Sign Systems Studies*. 1978. Vol. 10. Pp. 65–85. (In Russ.)
- Dambaev G.-D. The Fine Instructions. Ulan-Ude: Belig, 2012. 172 p. (In Bur.)
- Dugarnimaev Ts. A. (ed.) The Wise Proverb. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1980. 362 p. (In Bur.)
- Esenova T. S. Essays on Kalmyk Linguoculture. Elista: Kalmyk State University, 2012. 160 p. (In Russ.)
- Gympilova S. D. Proverbs in the Genre System of Buryat Folklore. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2005. 144 p. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. Kalmyk Riddles and Proverbs. Elista: Kalmykia Book Publ., 1972. 96 p. (In Russ.)
- Madason I. N. Buryat Sayings and Proverbs. Ulan-Ude, 1960. 401 p. (In Bur.)
- Maidar D. Monuments of Mongolia’s History and Culture. Moscow: Mysl, 1981. 174 p. (In Russ.)
- Muniey B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyrbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.) Sampildendeв Kh. Traditional Rites of Livestock Breeders. Ulaanbaatar: People’s Publ. House, 1985. 187 p. (In Mong.)
- Rassadin V.I., Trofimova S.M., Chuluunbaatar L. The Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk Languages: Common Mongolian Lexis Denoting the Traditional Home. *Oriental Studies*. 2017;10(4):134–140. (In Russ.)
- Sanzheeva L. Ts. The Buryat Epic: Issues of Poetics and Style. Ulan-Ude: Buryat State University, 2011. 240 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. A Buryat-Russian dictionary. In 2 vol. Vol. I. [A–N]. Ulan-Ude, Respublikanskaya Tipografiya Publ. (‘The Republican Printing House’), 2010. 636 p. (In Buryat and Russ.)
- Sharaeva T. I. Sacred code in the space of Kalmyk traditional dwelling. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 41–54. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-41-54
- Sodnompilova M. M. Semantics of Dwelling in Buryat Traditional Culture. Irkutsk: Radian, 2005. 218 p. (In Russ.)
- The Wisdom Ocean of Mongolian. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1964. Vol. I. 133 p. (In Russ.)
- The Wisdom Ocean of Mongolian. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1966. Vol. II. 140 p. (In Mong.)
- Ustieva I. S. et al. (comps.) Folklore Heritage of Mongolian Peoples. Vol. VIII: Proverbs and Sayings in Kalmyk, Buryat, and Mongolian. Moscow: Gorky Institute of World Literature (RAS), 2018. 628 p. (In Kalm., Bur., Mong. and Russ.)
- Vainshtein S. I. Steppe nomads of Eurasia: Questions pertaining to the history of dwelling revisited. *Sovetskaya etnografiya*. 1976. No. 4. Pp. 42–62. (In Russ.)
- Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. The Existential Home of Language. Cultural Linguistics and Paths of Its Development: The Concept of Logoevisteme Articulated. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, IKAR, 2000. 124 p. (In Russ.)
- Vorkachev S. G. Linguoculturology, language identity, concept: The shaping of anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*. 2001. No. 1. Pp. 64–72. (In Russ.)
- Wasilewski J. Space in nomadic cultures: A spatial analysis of the Mongol yurts. In: Heissig W. (ed.) *Altaica Collecta*. Conference proceedings (Bonn, 3–8 June 1974). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976. Pp. 345–360. (In Germ.)
- Zhukovskaya N. L. Traditional Culture of Mongols: Categories and Symbols. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. 200 p. (In Russ.)